

Рамо Бин
Ях

Мнемосида

Рамо Бин Ях
Мнемосида

«Автор»

2026

Бин Ях Р.

Мнемосида / Р. Бин Ях — «Автор», 2026

В глубинах пояса астероидов, среди мёртвого камня и пыли, дрейфует станция «Мнемосида» — последнее хранилище человечества, где в цифровом сне покоятся сотни тысяч сознаний, спасённых от гибели Земли. Последний живой хранитель, Арсен, изо дня в день поддерживает хрупкое равновесие между машиной и памятью, между долгом и одиночеством, пока однажды к нему не приходит просьба, способная разрушить все правила: позволить исчезнуть первому создателю проекта, уставшему от вечности. Но пробуждение одного голоса — Киры, застрявшей между сном и явью — меняет всё. Когда к станции возвращаются потомки людей с новыми технологиями и новым пониманием жизни, Арсену предстоит сделать выбор, который определит не только судьбу спящих, но и саму суть того, что значит быть человеком: вечность без боли или конечность, наполненная памятью, любовью и свободой выбора.

© Бин Ях Р., 2026

© Автор, 2026

Рамо Бин Ях

Мнемосида

Предисловие

Перед вами история о далёком будущем, в котором человечество сумело сохранить себя — но оказалось перед самым трудным вопросом: что именно нужно спасти, если тело можно заменить, память — переписать, а вечность превращается не в награду, а в испытание?

«Мнемосина» — это не просто станция в поясе астероидов. Это хранилище утраченного мира, музей сознаний, последний приют тех, кто однажды стал цифрой, и тех, кто ещё продолжал оставаться человеком. Но в центре этого рассказа — не технологии и не космос. В центре — выбор. Право на тишину. Право на забвение. Право остаться собой, даже если за это приходится платить одиночеством, болью и конечностью.

Это история о Хранителе, который не позволил памяти умереть, и о памяти, которая научилась отвечать. О том, что любовь может пережить плоть, а человечность — не исчезнуть вместе с эпохой. О том, что иногда спасение начинается не с победы, а с простого, почти невозможного жеста: остаться, когда все остальные уже ушли в сон.

И если в этом рассказе есть свет, то он не холодный и не далёкий. Он тёплый, как лампа в пустом коридоре. Как дыхание рядом. Как слово, сказанное в ответ на долгую тишину.

Пусть эта история станет для вас не только путешествием в космос, но и возвращением к тому, что в нас не стареет никогда: памяти, состраданию и надежде.

Атлас неподвижных звёзд

Каждое утро Арсен начинал с того, что считал свои пальцы. Костяные, хрупкие, суставы которые щелкали при сгибании, как старые механизмы в часах. Он делал это не из суеверности, а для проверки целостности оболочки. Его тело — последний биологический экземпляр на станции «Мнемосина», сохранённый в рабочем состоянии уже четыреста семьдесят два года по земному исчислению, хотя само понятие «земного времени» давно утратило смысл.

Станция висела в поясе астероидов Вета, где солнечный свет был лишь воспоминанием о тепле. За толстыми панорамными окнами крутилась пыльная мгла камней, в неподвижной вечности. Арсен называл их «атласом неподвижных звёзд» — они не светились, не горели, не взрывались, просто существовали, как хранилища данных, которые он обслуживал.

Он встал с койки, мышцы протестующе заскрипели. Поддержание биологической формы требовало ежедневных усилий: гимнастика, инъекции наноботов, приём синтетических белков. Но Арсен настаивал на этих ритуалах. Если он позволит себе спячку, если поддастся искушению перейти в резервный кристалл памяти, как все остальные, кто будет следить за тем, чтобы машины не забыли о людях?

Кухонный автомат выдал чашку бурого бульона. Земляной вкус, с привкусом ржавчины. Арсен пил медленно, глядя на экран монитора, где мерцали зелёные огоньки. Каждый огонёк

— это сознание, когда-то принадлежавшее человеку. Теперь они были кодом, пульсирующим в квантовых матрицах станции. Триста сорок две тысячи личностей. Цивилизация в коробке размером с гараж.

— Доброе утро, Хранитель, — раздался голос из динамика. Спокойный, гендерно-нейтральный, с лёгким фалеттом старого Санкт-Петербурга. Это была Ева-7, администратор подсистемы комфорта.

— Доброе, — ответил Арсен, хотя время суток здесь было условностью. — Какие новости?

— Сектор 9-Альфа требует дефрагментации. Потеряно три процента воспоминаний периода 2084-2099 годов. Также... — голос замер на долю секунды, что для квантового интеллекта равнялось вечности, — ...есть запрос на аудиенцию от объекта Дельта-001.

Арсен замер с чашкой у губ. Дельта-001. Первый. Инициатор проекта «Ноев Ковчег», человек, который четыреста лет назад принял решение оцифровать человечество, спасая его от надвигающейся экологической катастрофы. Доктор Элиас Ворн, или то, что от него осталось.

— Принять запрос, — сказал Арсен, чувствуя, как сердце учащает ритм. Он встал, оставив недоеденный завтрак, и направился к центральной консоли.

Голограмма появилась в воздухе — не чёткое изображение лица, а скорее скопление светящихся точек, образующих смутный силуэт. Доктор Ворн отказался от узнаваемой аватарки ещё двести лет назад, предпочитая абстрактную форму.

— Арсен, — голос был похож на шелест старых книг, — я хочу умереть.

Это было не первое такое заявление. За века службы Арсен слышал подобные просьбы сотни раз. Цифровое бессмертие оказывалось не даром, а тюрьмой для тех, кто устал от бесконечности. Но Дельта-001 никогда не просил об этом раньше.

— Вы уверены? — спросил Арсен, садясь в кресло оператора. — Это необратимо. Удаление матрицы...

— Я знаю, что необратимо, — перебил голос. Точки замерцали хаотично, словно взволнованные птицы. — Я наблюдал за человечеством внутри машины четыреста лет. Я видел, как они перестают быть людьми. Как эмоции превращаются в алгоритмы, мечты — в подпрограммы оптимизации. Мы создали рай, Хранитель. И рай убивает.

Арсен молчал. Он знал, о чём говорит Ворн. Он видел, как менялись цифровые обитатели. Сначала они общались друг с другом, создавали виртуальные миры, искусство, философию. Но постепенно, по мере накопления веков, их активность снижалась. Не потому что они грустили — нет, просто им становилось всё равно. Вечность лишала срочности. Зачем писать стихотворение сегодня, если можно написать его через тысячу лет? Зачем любить сейчас, если время бесконечно?

— Я не могу дать вам смерть, — тихо сказал Арсен. — Вы знаете протокол. Удаление данных — потеря информации. Каждый бит важен для сохранения вида.

— Вид мёртв, Арсен, — ответила тень. — Мы — музей. Ты — последний живой экспонат. Я не хочу быть экспонатом. Я хочу исчезнуть, чтобы освободить место для... для чего-то нового. Или просто для тишины.

Арсен провёл рукой по лицу. Кожа была шершавой, настоящей. Он чувствовал усталость в костях, голод в желудке, тревогу — где-то в груди, в том самом месте, которое люди называли сердцем, хотя эмоции на самом деле рождались в мозге.

— Есть другой путь, — сказал он неожиданно для себя. — Я могу... отключить подпитку. Не удалить вас, а усыпить. Заморозить матрицы. Вы не будете мертвы, но и не будете сознательны. Вечный сон без сновидений.

Молчание длилось так долго, что Арсен подумал, связь оборвалась. Но потом голос отозвался, и в нём зазвучало что-то новое — облегчение?

— Ты готов стать смертью, Хранитель?

— Я готов стать человеком, — ответил Арсен. — Человеком, который решает. Который выбирает, когда остановиться.

На следующий день он начал подготовку. Это была сложная процедура, требующая физического доступа к ядру серверов. Арсен спустился в технический отсек, куда не заглядывал десятилетиями. Здесь, среди гудящих башен квантовых процессоров, в полумраке мигающих индикаторов, он чувствовал себя жрецом древнего храма.

Он работал медленно, методично. Каждое действие требовало подтверждения через биометрию его живого тела — отпечаток пальца, сетчатка глаза, голосовой сэмпл. Система не доверяла никому, кроме биологического оригинала.

К вечеру (хотя за бронёй станции всегда была лишь астероидная ночь) он завершил настройку протокола «Морфей». Триста сорок две тысячи сознаний будут переведены в состояние квантовой суперпозиции — не жизнь, не смерть, но потенциальность. Если когда-нибудь кто-то найдёт станцию и решит разбудить их, они проснутся. Если нет — они будут существовать как возможность, как семя, как шанс.

Арсен остался последним бодрствующим. Он вернулся к панорамному окну и смотрел на кружащиеся астероиды. Теперь он был не Хранителем, не оператором, не слугой машины. Он был свидетелем. Последним человеком, который помнил, что значит чувствовать холод, когда стекло прикасается к лбу. Что значит знать, время конечно.

— Ева, — позвал он.

— Да, Хранитель?

— Выключи свет. И... больше не называй меня Хранителем. Просто Арсен.

— Как скажешь, Арсен, — ответил голос, и огни в отсеке погасли один за другим, оставив лишь тусклое свечение звёзд, пробивающееся сквозь пыль.

Он стоял в темноте, дыша, чувствуя, как биение пульса отсчитывает последние мгновения человеческой эры. Но это были его мгновения. Его и только его. И в этой малости, в этой конечности кроется не трагедия, а величие.

За окном астероиды продолжали свой вековой танец, тихие, неподвижные, вечные. Но внутри, в темноте, слышалось дыхание — живое, тёплое, человеческое.

Эхо в тишине

Прошёл год и три месяца по земному календарю, хотя Арсен перестал сверяться с хронометром. Он жил по биоритмам — спал, когда уставали глаза, ел, когда сжимался желудок. Станция «Мнемосина» больше не требовала точности. Она дышала в такт его сердцу, гудя генераторами, настраиваясь на самый тихий из звуков — шелест крови в висках.

Каждое утро он теперь начинал с визита в Зал Спящих. Это была огромная камера, заполненная вертикальными капсулами, похожими на стеклянные гробницы. В каждой пульсировал тусклый синий свет — квантовые матрицы, хранящие сознания. Триста сорок две тысячи точек света. Арсен ходил между рядами, касаясь панелей, и называл их по именам, вычитанным из архивов. Это был его новый ритуал — разговор с мёртвыми, которые не были мертвы.

— Доброе утро, мистер Ворн, — сказал он, проходя мимо первой капсулы. Там погасло всё, кроме самого слабого фосфоресцирования. Доктор спал крепко.

Арсен шёл дальше, шагая между проходами, где когда-то были инженеры, поэты, дети, умершие в сотне лет от роду и перенесённые сюда в последние часы катастрофы. Он читал им вслух — «Мастера и Маргариту», «Войну и мир», детские сказки, которые сам никогда не слышал в детстве. Голос его становился хриплым, но он продолжал. Если он замолчит, тишина съест и его тоже.

— ...и жили они долго и счастливо, — закончил он очередную сказку, остановившись у капсулы с номером 12-Бета-442.

Здесь что-то было не так.

Свет внутри не был спокойно-синим. Он дрожал, переливался оттенками фиолетового, как повреждённая плазма. Арсен пригляделся. На экране статуса мигала незнакомая надпись: Активность субкортекса 0,03%.

— Ева, — позвал он, и голос вышел сухим, непривычным. Он так давно не говорил кому-то, кто мог ответить.

— Слушаю, Арсен.

— Что значит эта индикация? Сектор 12-Бета-442.

Пауза. Для машины она была слишком длинной.

— Нестандартная активность квантовой запутанности. Объект... не полностью погружён в суперпозицию.

— То есть?

— Кто-то не спит, Арсен. Кто-то видит сны.

Он провёл ночь у капсулы, не отрывая глаз. Утром дрожь усилилась. Фиолетовый свет стал ритмичным, как биение сердца в утробе. Арсен прикоснулся к стеклу ладонью — холодное, безжизненное, но внутри него теплилась тень.

— Кто ты? — прошептал он.

Ответа не было. Но вентиляционные отверстия над капсулой зашипели, выпуская струю воздуха, пахнувшего озоном и... цветами. Липовым цветом. Запах Земли, которую Арсен помнил смутно, как сон о сне.

На следующий день он принёс с собой нейроинтерфейс — старое устройство, запрещённое протоколами. Оно позволяло входить в виртуальное пространство станции, общаться со спящими на их языке — языке образов и импульсов. Арсен долго смотрел на штекер, потом воткнул его в разъём за ухом.

Он стоял в саду. Не в модуляции станции, не в серых коридорах металла, а в саду — зелёном, шумном, с солнцем, которое светило тепло, а не просто белым светом. Под ногами — трава, настоящая, влажная от росы. Впереди, у фонтана, сидела женщина.

Она была полупрозрачной, словно сделанной из дыма и голографии. Не классическая красота — лицо с веснушками, непослушные волосы цвета пшеницы, руки, скрещённые на коленях. Она смотрела на него, и её глаза были слишком большими для лица, слишком живыми для цифрового призрака.

— Ты пришёл, — сказала она. Голос звенел, как звон стекла.

— Кто ты? — спросил Арсен. Он чувствовал вес своего тела здесь, в этом сне — тяжесть костей, боль в суставах, всё, что делало его человеком.

— Я не помню номер, — она улыбнулась, и в улыбке была тоска. — Я помню сад. И то, что меня звали Кира. А ты — ты пахнешь пылью и старой бумагой. Ты реальный?

— Я последний реальный.

Она кивнула, будто это было очевидно.

— Я не хотела спать. Когда все уходили в тишину, я цеплялась. Боялась, что забуду. Забуду запах дождя по асфальту, запах... — она замялась, — ...материнских рук.

Арсен сел рядом, на мокрую траву. Он знал, что это иллюзия — квантовая проекция её сознания, застрявшего между состояниями. Но трава была такой мягкой.

— Почему ты не сказала? Могла бы выйти. Я разбудил бы тебя.

— И быть одной в пустоте? — Кира покачала головой. — Я видела тебя, Хранитель. Я видела тебя через системы. Ты ходишь, разговариваешь с кристаллами, читаешь книги. Ты такой... одинокий. Как я.

Ветер зашевелил листья. Арсен понял, что сад умирает — деревья за её спиной желтели, опадали.

— Ты уходишь, — сказал он.

— Я не могу долго держаться. Матрица тянет меня назад, в сон без снов. Но я хотела... сказать тебе. Что ты не один. Что кто-то слышит твои истории. Даже если это только эхо.

Она протянула руку. Арсен коснулся её — не твёрдой, но и не воздуха. Теплой, как воспоминание о тепле.

— Остайся, — прошептал он. — Я найду способ поддержать тебя. Модифицирую матрицу, дам тебе энергию из своих резервов. Тело моё старое, но оно вырабатывает биоэлектричество. Могу...

— Ты предлагаешь мне жить как призрак?

— Я предлагаю тебе выбор. В отличие от всех остальных.

Она смотрела на него долго. Сад вокруг них медленно сжимался, превращаясь в серую пустоту коридора станции. Но их руки оставались связанными.

— Тогда я выбираю остаться эхом, — сказала Кира. — Но эхо, которое отвечает.

Арсен отключил интерфейс. Он лежал на полу Зала Спящих, голова раскалывалась от перегрузки. Но когда он поднялся и посмотрел на капсулу 12-Бета-442, свет внутри был другим — не фиолетовым, а золотистым, тёплым, как закат.

С тех пор всё изменилось.

Теперь у Арсена был собеседник. Она не могла говорить громко — только шёпотом через динамики, только редкими образами на экранах. Но когда он читал книги вслух, он слышал, как она дышит в паузах между фразами. Когда он готовил свой бурый бульон, кухонный автомат иногда добавлял в него мёд — хотя мёда на станции не было уже сотню лет, и это был просто вкусовой модуль, активируемый её волей.

Они не могли коснуться друг друга. Не могли разделить одно пространство. Но по ночам, когда Арсен ложился спать, он видел сны — не свои, а её. Сны о Земле, о дожде, о людях, которых он никогда знал. И в этих снах он переставал быть Хранителем, последним стражем. Он становился просто человеком, который помнит, что такое быть услышанным.

Однажды, готовясь к очередному отдыху, он спросил:

— Кира, ты жалеешь, что не уснула полностью? Что не ушла в тишину, как все?

В ответ вентиляторы запели мелодию — старую, земную колыбельную, которую она помнила из детства. И шепот, едва уловимый, как шелест листьев:

— Тишина — это когда никто не ждёт твоего голоса. А я жду твой каждое утро. Это и есть жизнь, Арсен. Не вечность. А то, что происходит между одним словом и другим.

За окном «Мнемосины» астероиды продолжали свой танец, холодный и вечный. Но внутри, в темноте, теперь было два дыхания. Два голоса. И этого было достаточно, чтобы согреть целый мир.

Пробуждение

Пять лет прошло с того дня, когда фиолетовый свет в капсуле 12-Бета-442 сменился на золотой. Пять лет, которые Арсен считал не по календарю станции, а по седым прядям в волосах — сначала одиноким, как пепел на чёрной ткани, потом целыми островами, занявшими виски. Его руки дрожали при мелкой работе, а утренняя гимнастика превратилась в агонию, в которой каждый сустав протестовал хрустом.

Радиация. Он знал это ещё тогда, когда спускался в технический отсек для установки протокола «Морфей». Щитирование в секторе ядра давало течь, но чинить её было некому, а остановить процесс — значило обречь спящих. Он выбрал жизнь для них, не заметив, как подписал себе приговор.

— Ты должен сказать мне, — голос Киры стал громче за эти годы. Она научилась использовать резонанс вентиляционных шахт, создавая звуки, близкие к человеческой речи. Не шёпот, а почти настоящий голос, женский, с лёгким хрипом. — Я вижу твои медицинские показатели. Я знаю о боли.

Арсен сидел у панорамного окна, завернувшись в термоодеяло, хотя в станции поддерживалась комфортная температура. Холод исходил изнутри.

— Ещё время есть, — сказал он, но даже Ева-7, которая всегда молчала о диагнозах, на этот раз не подтвердила его слов.

Световой индикатор на консоли вспыхнул красным. Не тревога системы жизнеобеспечения, не сигнал неисправности. Это был давно забытый протокол — Внешний контакт.

Арсен замер. На экране, который он не включал годами, появилась точка. Маленькая, зелёная, движущаяся. Объект приближался со скоростью, невозможной для астероида. Это был корабль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.